

Глава VII

ОБРАЗОВАНИЕ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Как отмечалось, академики К.М. Бэр и А.А. Шифнер разрабатывали проект создания объединенного музея, рассказывающего о происхождении человека и его культуры на основе данных этнографии, антропологии и археологии. Во второй половине 70-х годов при физико-математическом отделении ИАН создали специальную комиссию в составе академиков А.А. Шифнера, А.А. Штрауха, Л.И. Шренка и Ф.В. Овсянникова, которая рассматривала вопрос об объединении Анатомического и Этнографического музеев. Особенно активно в составе комиссии работал Л.И. Шренк. А.А. Шифнер выдвинул его кандидатуру в качестве своего преемника на должность директора будущего объединенного музея. 24 октября 1878 г. от членов комиссии в канцелярию Конференции ИАН поступило предложение об образовании Музея антропологии и этнографии. Через год, 22 октября 1879 г., решение о создании объединенного музея утвердил император. 4 ноября 1879 г. А.А. Шифнер скончался, 10 ноября состоялось заседание физико-математического отделения ИАН, на котором официально объявили о слиянии Этнографического и Анатомического музеев в единый Музей антропологии и этнографии преимущественно народов России. На этом же заседании директором музея утвердили Л.И. Шренка. Как упоминалось, в 1853–1856 гг. он участвовал в экспедиции по изучению Дальнего Востока России. В 1861 г. получил звание адъюнкта, в 1865 г. стал ординарным академиком, в 1870 г. был избран в Комитет правления ИАН, в следующем году его назначили руководителем академической типографии. Л.И. Шренк доверил подготовку новой экспозиции музея ученому хранителю Ф.К. Руссову.

Объединение двух музеев оказалось формальным. Коллекции Этнографического музея хранились в полуподвальном помещении Кунсткамеры и были недоступны для посетителей.

В действительности Этнографический музей являлся только фондохранилищем. Анатомический музей занимал несколько комнат здания Кунсткамеры, находящихся в непосредственной близости к Зоологическому музею. Благодаря этому соседству антропологические коллекции были доступны для посетителей в те же часы, когда был открыт Зоологический музей. Единственным помощником Ф.К. Руссова с 1882 г. был «служитель», а затем «старший служитель» Прокопий Саминов, в 1900 г. в связи с резким ухудшением состояния здоровья его перевели на должность вахтера. Ф.К. Руссов не имел возможности «думать о какой-либо научной обработке коллекций, даже о простой регистрации (думать. — С.К.) представлялось совершенно невозможным ввиду полного отсутствия не только отдельной рабочей комнаты, но даже свободного места для раскладывания обрабатываемых предметов. При таком положении вещей роль хранителя Музея не выходила из узких рамок, созданных силою неблагоприятных условий» [Петри 1911: 3].

Во второй половине XIX в. большую часть здания Кунсткамеры занимала Библиотека ИАН. В 1888 г. к Кунсткамере пристроили двухэтажный флигель в Таможенном переулке, который предназначался для библиотеки: «Только благодаря исключительной уступчивости академика А.А. Куника, бывшего тогда директором Библиотеки, и настойчивости и энергии академика Л.И. Шренка удалось получить один (второй. — С.К.) этаж нового здания под Музей, причем другой этаж был отведен под кладовую книжного склада. <...>

Уже в сентябре 1889 г. коллекции были окончательно представлены в новом помещении, Музей был осмотрен Августейшим Президентом и был совершенно готов к открытию, но у Академии не оказалось средств на наем служителей для охраны коллекций в дни посещения, и пришлось поэтому отложить открытие Музея почти на целых два года, пока не была исходатайствована для этой цели специальная сумма в 400 рублей. Нечего говорить о том, что при таких условиях о планомерном увеличении коллекций не могло быть и речи» [Музей 1917: 243–245].

Открытие постоянной экспозиции

В 1891 г. для посетителей открыли новую объединенную экспозицию МАЭ. Она состояла из трех разделов: «Отделение доисто-

рических каменных орудий», «Краниологическое или антропологическое отделение» и «Этнографическое отделение», где были представлены собрания по зарубежным народам. Таким образом, потребовалось полвека, чтобы осуществилась идея К.М. Бэра о создании в России комплексного музея, изучающего человека и его культуру на основе антропологии, археологии и этнографии. На экспозиции коллекции были выставлены по собирателям, каждая коллекция в отдельном шкафу или на отдельной полке.

Для некоторых коллекций у Ф.К. Руссова были списки с перечнем предметов, но это были его личные рабочие документы: «В музее велись, правда, книги с записями поступлений, но эти записи заключали в себе только даты и общие характеристики коллекций в целом, отдельные же предметы, входившие в состав коллекций, оставались без номеров и этикеток и вдобавок очень часто расставлялись в залах музея не по территориям и народностям, а сообразуясь с совершенно чуждыми этнографии требованиями эстетики и симметрии. Только феноменальная память и долгая служба ученого хранителя К.Ф. Руссова и его бесконечно преданного музею помощника, сторожа Саминова, давали возможность при таких условиях более или менее ориентироваться в провенансе (происхождении. — С.К.) и назначении отдельных предметов. Это была, до известной степени, их личная тайна, и с их смертью научное значение большинства предметов музея могло быть совершенно потеряно для науки» [Штернберг, Ольденбург 1907: 32–33].

Так же как и его предшественник Л.Ф. Радлов, Ф.К. Руссов делал этикетки к некоторым предметам. Об этом говорится в записях К.К. Гильзена на музейных карточках. На карточке к родовому гербу № 2448-29 он написал: «Была этикетка “№ 163”, кроме того, Руссовым сделана заметка карандаш. “№ Am. 39”». Сведения о предметах, на которых или на бумажных этикетках к ним есть однотипные номера, приведены в виде таблицы (табл. 6).

Гораздо больше этикеток другого типа, сделанных Ф.К. Руссовым. Они вырезаны из картона, имеют прямоугольную форму размером 2×1,5 см, углы этикеток срезаны. Об их принадлежности Ф.К. Руссову К.К. Гильзен написал на карточке к луку № 593-78. На этих этикетках Ф.К. Руссов писал карандашом название предмета, реже — его порядковый номер по списку собирателя или фамилию собирателя. Например, на всех этикетках, относящихся

Таблица 6

Предметы с этикетками или надписями Ф.К. Руссова

Номер и название предмета	Народ	Собиратель или даритель и время сбора	Надпись на этикетке или на предмете
№ 570-97 Корзина	Индейцы Калифорнии	М.Н. Васильев 1820–1821 гг.	№ Am. 9
№ 570-62 Свистулька	Индейцы Калифорнии	М.Н. Васильев 1820–1821 гг.	№ Am. 10
№ 570-41, 42, 43, 44 Серьги	Индейцы Северной Калифорнии	И.Г. Вознесенский 1840–1841 гг.	№ Am. 32
№ 2925-31 Футляр для хранения игл	Эскимосы района реки Юкон		№ Am. 36
№ 3235-40 Коробка для хранения табака	Эскимосы о. Св. Лаврентия		№ Am. 37
№ 2448-29 Родовой герб	Глинкиты	Г.Г. Измайлов и Д.И. Бочаров 1788 г.	№ Am. 39
№ 2930-100 Сеть для промысла нерпы	Эскимосы района Беринго- ва пролива		№ Am. 40
№ 2925-4 Топор	Индейцы Ияк?	Ф.И. Крузенштерн 1804–1805 гг.	№ Am. 52
№ 2930-57 Маска	Эскимосы мыса Барроу		№ Am. 56
№ 2888-15 Лезвие ножа улу?	Эскимосы		№ Am. 57

к коллекции Ф.К. Литке, по-немецки написана его фамилия. Видимо, Ф.К. Руссова особенно интересовали вещи народов Севера Аляски. Большинство предметов, к которым есть его этикетки, принадлежит эскимосам о. Св. Лаврентия, районов залива Нортон и Берингова пролива, побережья Берингова моря и Северного Ледовитого океана.

Что касается поступлений коллекций, то в 1881 г. из Библиотеки ИАН передали шесть фотографий эскимосов от участников шведской экспедиции Адольфа Эрика Норденшельда (1832–1901), которые в 1878–1879 гг. на судне «Вега» прошли вдоль арктического побережья Сибири и через Берингов пролив вышли в Тихий океан (№ 122). Эти фотографии были сделаны на борту судна 22 июля 1879 г. в заливе Порт-Кларенс на полуострове Сьюард. А.Э. Норденшельд писал: «Не успели мы бросить якорь, как к нам явилась с визитом масса больших, обтянутых шкурами лодок и каяков. Последние вмещали по два человека, сидевших спиной друг к другу. Мы видели, однако, как из некоторых таких лодок, кроме двух гребцов, вылезал еще третий пассажир, лежавший, очевидно, на дне лодки, почти не имеющий возможности дышать или расправить члены и уж совершенно беспомощный в случае катастрофы. Такие места занимали главным образом дети, сопровождавшие своих родителей в этих поездках. <...> Эскимосы не понимали ни слова по-чукотски, но кое-кто из мужчин говорил немного по-английски; один побывал даже в Сан-Франциско, другой — в Гонолулу. Многие одеты были по европейски, но большинство носило платье из тюленьих и оленьих шкур; поверх этих “пэсков”, украшенных мехом сурков, они в дождливую погоду надевали непромокаемые куртки из сшитых кишок» [Норденшельд 1923: 125–126].

Также из Библиотеки ИАН поступила сборная коллекция из 16 фотографий индейцев Северной и Южной Америки (№ 107). Из них три фотографии были сделаны французским исследователем Э. Тьессоном в 1844 г. во время его экспедиции к ботокудам. В Библиотеку ИАН эти фотографии передали из парижского Музея человека [Новая история 2008: 267–268]. Североамериканскую часть коллекции составили девять фотографий индейцев микмак и эскимосов Западной Гренландии, сделанных во время экспедиции 1856 г. принца Наполеона Жозефа Шарль Поля Бонапарта (1822–1891) в Исландию, Гренландию и Канаду.

В 1889 г. поступила археологическая коллекция — наконецники стрел и скребки из района реки Огайо (№ 552). Ее приобрел в 1884–1885 гг. хранитель Зоологического музея ИАН Иван Семенович Поляков (1845–1887) во время поездки в США. В 1890 г. от исследователя Арктики Александра Александровича Бунге (1851–1930) поступила модель двухлучной байдарки алеутов Коман-

дорских островов (№ 2867-37). В 1887–1890 гг. в составе экипажа клипера «Разбойник» А.А. Бунге проводил исследования в северной части Тихого океана и посетил Командорские острова.

Межмузейные передачи коллекций

В конце XIX в. состоялось несколько крупных передач в МАЭ этнографических и археологических коллекций из Императорского Эрмитажа, музея ИРГО, Музея древнеклассической археологии. В 1887 г. из Императорского Эрмитажа поступила коллекция из четырех перуанских глиняных сосудов (№ 2029). Возможно, эти сосуды происходят из сборов участников кругосветной экспедиции на судне «Суворов» под командованием М.П. Лазарева, состоявшейся в 1813–1816 гг. В записках Семена Яковлевича Унковского (1788–1882) сказано о посещении порта Кальяо в 1816 г.: «Наконец привезли нам <...> разные вещи из древностей прежних инков, как сокровища дорогие от вице-короля маркиза де Абаскала в подарок нашему императору» [Унковский 2004: 148]. В следующем 1888 г. из Императорского Эрмитажа поступила мексиканская коллекция, собирателем которой, вероятно, был В.Ф. Карвинский (№ 2030). В 1895 г. МАЭ получил археологические коллекции из Мексики (№ 2305, 2306) из расформированного Музея древнеклассической археологии.

Самое значительное по объему собрание МАЭ получил в 1891 г. из музея Императорского Русского географического общества, которое было основано в 1845 г. Первым председателем Географического общества стал великий князь Константин Николаевич, а его заместителем — адмирал Ф.П. Литке. В состав учредителей ИРГО вошли адмирал В.П. Врангель, академики К.М. Бэр, Ф.Ф. Брандт, А.Я. Купфер, Э.Х. Ленц, О.В. Струве, географ П.А. Чихачев и другие известные путешественники и ученые. С момента основания географического общества в его структуре действовало отделение этнографии под руководством К.М. Бэра. В 1848 г. при ИРГО создали музей, в который стали поступать различные естественно-научные коллекции. В состав многих коллекций входили этнографические вещи, собранные как в России, так и за границей. В то время Русская Америка входила в состав Российской империи, соответственно коллекции музея ИРГО по народам Аляски относили к населению России. Так как музей

находился в ведении отделения этнографии, то со временем большую часть его собрания составили именно этнографические коллекции. В некоторых документах XIX в. он называется Этнографическим музеем ИРГО. По мере увеличения коллекций перед музеем ИРГО все острее становилась проблема нехватки музейных площадей. Главными задачами ИРГО являлись географическое изучение России, организация экспедиций и сохранение документальных материалов по их организации, проведению и результатам исследований. Коллекции по зоологии, ботанике, минералогии ИРГО периодически передавало в Зоологический музей, Ботанический сад и в музей Горного института. В 1891 г. руководство ИРГО приняло решение о ликвидации музея и передаче его коллекций в МАЭ. Л.Я. Штернберг и С.Ф. Ольденбург писали: «В подвалах, сваленными в кучи, громоздились целые груды свезенных в 1891 г. из бывшего музея Географического общества коллекций со всех концов России, не имевших ни описей, ни нумерации, если не считать кучи отрывочных заметок и случайных этикеток, по которым приходилось решать уравнения со многими неизвестными» [Штернберг, Ольденбург 1907: 35].

Основную часть американского собрания музея ИРГО зарегистрировали в коллекции № 337. Ее большая часть состоит из сборов А.Ф. Постельса и П.П. Дорошина, об этих собраниях расскажем отдельно. Что касается других предметов, переданных из музея ИРГО, то это головной убор из перьев индейцев Калифорнии (№ 570-15) (в музей ИРГО его передали из музея Барнаула вместе с археологической коллекцией В.В. Радлова), штаны из замши тлинкитов (№ 2520-10). Кто был собирателем этих вещей, установить не удалось. В отношении других вещей известны их собиратели. От надворного советника Пернера (возможно, Тернера) в музей ИРГО поступила статуэтка женщины из сланца (№ 337-40), от Густава Ивановича (Готлиба) Шнейдера, врача фактории Аян, — алеутский гарпун (№ 2867-1), от известного исследователя Приамурья Рихарда Карловича Маака (1826—1886) — плетеная шляпа чугачей (№ 344-73).

Также в состав собрания музея ИРГО входили южноамериканские коллекции. Это вещи из сборов Николая Николаевича Миклухо-Маклая (1846—1888), приобретенные им во время посещения Чили в 1871 г.: сосуд для чая, корзина огнеземельцев, бусы арауканов (№ 402-37, 108, 171). Другие вещи входят в коллекцию

№ 1225, состоящую из четырех предметов и пяти номеров. Это посуда и стремена индейцев Боливии и района Патагонии. В отношении двух предметов — глиняного кувшина древних инков (№ 2028-1) и сосуда из тыквы (№ 1225-2) — известно, что Н.Н. Миклухо-Маклай получил их в дар от Игнатия Домейко (1802–1889) — директора университетского музея города Сантьяго.

Собрание А.Ф. Постельса

Александр Филиппович Постельс в 1826–1829 гг. участвовал в кругосветной экспедиции на шлюпе «Сенявин» под командованием Ф.П. Литке. Как упоминалось, в 1837 г. руководство ИАН поручило А.Ф. Постельсу осуществлять «надзор» за Этнографическим музеем. После образования музея ИРГО А.Ф. Постельс в 1848 г. передал туда свою личную коллекцию, собранную среди жителей Каролинских островов, чукчей и азиатских эскимосов во время путешествия на «Сенявине».

Ф.П. Литке писал: «Под общим названием чукчей разумеем мы два различных племени: одно <...> называется у нас оленными чукчами; другое имеет постоянные жилища по берегу моря и называется сидячими, или оседлыми. Эти два племени отличаются между собой не только в образе жизни, но и в чертах лица и в языке. Не зная ничего о своем происхождении, считают они себя, однако, различными народами. <...> Несколько семейств встречалось нам таких, с которыми переводчики наши почти совсем говорить не могли. <...> Напротив, кадыкского островитянина, бывшего на шлюпе “Благонамеренном”, оседлые понимали хорошо. <...> Байдарки их, юрты, орудия служат дальнейшим доказательством единоплеменности их с эскимосами. <...> Мы нашли на всем пространстве от мыса Восточного до Анадыря один народ, живущий летом в юртах, а зимой в землянках и говорящий на кадыкском языке» [Литке 1948: 219].

В 1879 г. был издан каталог коллекций музея ИРГО, где указаны предметы азиатских эскимосов, полученные от А.Ф. Постельса. Порядковые номера каталога соответствуют номерам этикеток музея ИРГО к отдельным предметам, благодаря этому удалось установить их современные музейные номера:

«551. Прибор из моржовой кости, подвязываемый под ноги для хождения по льду и снегу (№ 337-24/1–2. — С.К.).

552. Трубка курительная с чубуком, цельная из моржовой кости с узором (№ 337-25. — С.К.).

553. Трубка курительная из моржовой кости с деревянным чубуком (№ 337-26/1–2. — С.К.).

554. Торбаса из сивучей внутренности (№ 337-27. — С.К.).

555. Погремушки и шило из моржовой кости (№ 337-28. — С.К.).

556. Наконечник из моржовой кости с острием из глинистого сланца (№ 337-29/2. — С.К.).

557. Модель байдарки с человеческой фигуркою, вырезанная из моржовой кости (№ 337-34/1. — С.К.). <...>

571. Удочки, сделанные из китового уса, один крючок из цельной моржовой кости, другие из той же кости с железными остриями (№ 337-33, 2930-31. — С.К.).

572. Орудие для рубки в виде моржового широкого ножа, из моржовой кости (№ 337-31. — С.К.)» [Каталог 1879: 24–25].

Несмотря на наличие этикеток музея ИРГО к отдельным предметам, при их соотнесении с вышеуказанным списком возникли трудности. Составитель «Каталога» в отношении порядковых номеров 551–557 сделал приписку — «С Чукотского носа», а в отношении номеров 558–573 — «С Каролинских островов», что в некоторых случаях не соответствует действительности. Жителям Каролинских островов не могут принадлежать удочка из китового уса с крючком из моржовой кости (№ 571 по «Каталогу») и нож из моржовой кости (№ 572 по «Каталогу»), так как моржи не водились на этих островах. На луках № 3529-42, 43 написана фамилия «Постельс». Также к сборам А.Ф. Постельса относятся костяные фигурки птиц № 337-35/1–18. По составу коллекция А.Ф. Постельса сходна с собранием Ф.П. Литке, поступившим в Кунсткамеру в 1831 г., его основную часть также составляют резные фигурки из моржовой кости азиатских эскимосов. Ф.П. Литке отметил: «Клыки (моржа. — С.К.) составляют самую дорогую статью их торговли» [Литке 1948: 223].

Собрание П.П. Дорошина

Петр Петрович Дорошин (1823–1875) в 1845 г. в звании поручика окончил Институт корпуса горных инженеров в Санкт-Петербурге и после прохождения практики поступил на службу в Рос-

сийско-Американскую компанию. В Русской Америке он находился с 1848 по 1853 г. Сбором этнографических коллекций П.П. Дорошин занимался в течение всего срока пребывания в Русской Америке. Как и другие служащие Российско-Американской компании, он был знаком с И.Г. Вознесенским. Летом 1848 г. П.П. Дорошин проводил геологические исследования на Кенайском полуострове, осенью — на островах архипелага Александра. В 1849 г. как старатель работал на золотых приисках в Калифорнии, в 1850–1851 гг. вновь исследовал Кенайский полуостров и острова архипелага Александра. Весной–осенью 1852 г. он посетил Кенайский полуостров, район озера Илямна и реки Накнек на полуострове Аляска, Бристольский залив, селения Катмай, Бельковское и остров Унга.

После возвращения в Санкт-Петербург П.П. Дорошин опубликовал несколько статей о своих исследованиях в Русской Америке. Они посвящены геологии, и только одна статья носит характер путевых заметок, где имеются сведения этнографического характера. Здесь приводятся данные о численности чугачей, индейцев ияк и атна и несколько преданий чугачей, в одном из которых рассказывается о посещении берегов залива Принс-Уильям экипажем азиатского судна в первой половине XVIII в. [Дорошин 1866: 373–374]. Эта статья подготовлена на основе материалов П.П. Дорошина, собранных летом 1848 г. В 1854 г. П.П. Дорошин передал свою этнографическую коллекцию в музей ИРГО.

В отчете Географического общества за 1854 г. сказано: «Близко ознакомившись в течение пятилетнего там пребывания с туземными племенами, г. Дорошин, между прочими своими занятиями, собирал и все предметы, замечательные в этнографическом отношении. Полную коллекцию стрел, употребляемых Кенайцами, Лисьевскими Алеутами, Кадыкцами, Киатинцами, Аглемютами и Колошами, модели байдарок, одежд, украшений и образчики рукоделий, — все это, тщательно собранное и описанное, с означением местностей и употребления, предоставил г. Дорошин в пользу Музеума Общества.

Костюмы, доставленные в числе этой коллекции, дозволили Обществу при содействии Член-Сотрудника И.Г. Вознесенского, пополнившего некоторые, недостающие в этой коллекции, части одежды, увеличить число манекенов Этнографического музеума еще двумя: фигурую Алеутки в так называемой парке из птичьих

перьев и фигурую Колоша. Наблюдение за сохранением верности в физиономии и расположения одежды <...> принял на себя тот же Член-Сотрудник И.Г. Вознесенский, на месте изучавший туземные племена русских американских владений» [Отчет 1855: 15].

Сведения о предметном составе этнографической коллекции П.П. Дорошина помещены в список поступлений музея ИРГО за 1854—1855 гг., в котором перечислены следующие предметы:

«1) Лук Кенайцев, живущих у северного берега озера Илямна, или Шелехова, и к северу от него. Кенайцы эти принадлежат к обширному собственно американскому племени Тэнайна. Лук и стрелы между ними — оружие довольно обыкновенное в настоящее время, но быстро вытесняется ружьями, которые перекупаются Кенайцами от соседних племен и частью от Российско-Американской компании. Соседние племена, принадлежавшие также к семейству Тэнайна, получают ружья от Англичан, поселившихся в вершинах р. Квигнак (форты Юкон и Вилка); отсюда дробовики перепродаются в вершину р. Медной, а жителями этой реки — Кенайцам р. Сушитны, которые уже променивают их Иляминским Кенайцам. Луки Кенайцы называют *цylinderтэн*.

2) Стрелы с колчаном; последний из шкуры тюленя (нерпы). Оконечности стрел или из зеленой яшмы, или из аспидного сланца. Этими стрелами, пущенными из лука, Иляминские Кенайцы бьют медведя, оленя и проч. Стрелы по кенайски *изин*.

3) Стрелка, которою Иляминские Кенайцы бьют с лука птиц.

4) Томагавк, или колотушка (по-кенайски *ктохальх*), из оленьего рога, оружие Гольчан, принадлежащих к племени Тэнайна.

5) Стрелки Лисьевских Алеут с острова Унги, одного из Шумагинских. Большою стрелкой бьют нерп (тюленей), малою — морских выдр, известных в торговле под именем камчатских бобров. Обе стрелки бросают не с лука, но с дощечки, служащей как бы продолжением указательного пальца.

6) Дощечка, с помощью которой Лисьевские Алеуты бросают свои стрелы. С острова Унги.

7) Стрелки бобровые Коняг, туземцев острова Кадьяка.

8) Дощечка для бросания предыдущих стрелок, которые иногда пускаются в зверя из лука. В таком случае им дают размеры, как у стрелок под № 9, и лук для них употребляется такой, каков под № 10.

11) Лук Киатинцев (Киатер-мют), поселившихся на р. Каиечак, которая из озера Илямна, течет в Бристольский залив. Киатинцы принадлежат к эскимосскому племени.

12) Стрелки к предыдущему луку.

13) Стрелка, которую Аглегмюты селения Пагвык бьют птиц. Селение Пагвык расположено по обоим берегам устья р. Накнэк, текущей по Аляске из озера того же имени в Берингово море. Аглегмюты принадлежат к племени эскимосскому.

14) Аглегмютская стрелка для макляков (большой вид тюленей).

15) Аглегмютская стрелка для нерп (тюленей).

16) Наконечник к стрелке № 17.

17) Аглегмютская стрелка для белуг (больших дельфинов белого цвета, которые стадами входят весною в р. Накнэк). Маут, или ремень, прикрепленный к наконечнику стрелки, режется из шкуры макляка. К другому концу маута привязывается надутый пузырь, который, утомляя раненное животное, не дает ему в то же время и утонуть, когда оно наконец издохнет.

18) Вырезанные из моржовых клыков байдарка и ружья — изделия Катмайцев, живущих при заливе Катмайском на северо-западном берегу Аляксы. Катмайцы — племя эскимосское, как и Коняги, жители острова Кадьяка. Звери из моржового клыка — изделие Лисьевских Алеут Бельковского селения, на юго-восточном берегу Аляксы. Птичка работы туземцев острова Кадьяка.

19) Дошечка, с помощью которой Аглегмюты бросают свои стрелки под № 13, 14, 15 и 17.

20) Лапки — род лыж, с помощью которых Кенайцы ходят по снегу. Кенайцы называют их *маацтали*.

21) Каменный топор с Аляксы; подобные же топоры были во всеобщем употреблении у всех туземцев наших американских колоний до прихода туда Русских.

22) Шляпа Лисьевских Алеут с острова Унги. Эту шляпу Алеут надевает лишь тогда, когда садится в байдарку; на берегу же ее не носит.

23) Решетка двухлючной байдарки Лисьевских Алеут острова Унги.

24) Однолючная байдарка Лисьевских Алеут острова Унги.

25) Трехлючная байдарка Коняг.

26) Маска (в работе неоконченная) Колош, надеваемая ими во время торжественных плясок. С острова Ситхи.

27) Погремушка, заменяющая у Колош кастаньеты; ею аккомпанируют пение, почти всегда сопровождаемое пляской. Колоши — американское племя, населяющее остров Ситху и соседний с ним.

28) Чашка колошенская.

29–30) Колошенские шляпы. Коническая — их обыкновенный головной наряд; цилиндрическая же — ими сделана и иногда только употребляется ими.

31) Шерсть горного козла: нитки из нее; мох для окраски этих ниток в желтую краску; волкоискоит для окраски их в зеленую и железистая глина для окраски в черную. Из этих шерстяных ниток ткутся Колошами плащи, или накидки № 38, как называют их Русские, живущие в колониях.

32) Калуги из змеевика и железистой глины. Они вставляются в нижнюю губу Колошенок как украшение. *Циндлэхэ* (игра в кости), свойственная всем, кажется, туземным племенам Америки. Эти кости — кенайские.

33) Украшение для конической шляпы Колош, прикрепляемое к ней во время торжественных плясок, и тогда из этого цилиндра висят, наподобие кистей, меха горностаев.

34) Трубки из аспида, изделие Колош-Кайганцев, населяющих остров Кайганы, южнее острова Ситхи и севернее острова Королевы Шарлоты. (Из этих трубок Колоши не курят, но делают их для продажи как образчики своего терпения, вкуса и воображения.)

35–36) Рогожки — изделие Лисьевских Алеутов острова Унги.

37) *Ишкат* Лисьевских Алеут острова Унги.

38) Колошенский плащ, или так называемая накидка.

39) Изделия Лисьевских Алеут острова Унги и нитки из жил кита, которыми шьют Алеутки; камлейки из сивучьих кишок или кишок медведя, парки из птичьих или звериных шкур, байдарки и проч.

40) Камлейка с острова Унги. Необходимая и едва ли заменимая одежда Алеута, сидящего в байдарке.

41) Птичья парка, украшенная горностаем. На эту парку пошло более 150 шкур, снятых с шеи урилов. С каждым годом парки эти реже и реже виднеются у Алеут.

42) Фуражки и сумки из Катмая, откуда и предыдущая парка.

43) Колошенский кинжал, ими самими выкованный и постоянный спутник Колоша. Ножны для него делаются или деревянные, или чаще из замши.

44) Колошенские мокасины — из замши, или ровдуги, как говорят в Колониях.

45) Колошенская шляпа, надеваемая во время плясок в честь памяти предков.

46) Ложка колошенская» [Список 1855: 28–32].

Как отмечалось, в 1879 г. опубликовали каталог коллекций музея ИРГО, в котором перечислено этнографическое собрание П.П. Дорошина. Порядковые номера предметов из этого каталога написаны на этикетках музея ИРГО. В настоящее время эти этикетки сохраняются для некоторых предметов МАЭ. Благодаря сравнению сведений из каталога и этикеток музея ИРГО с документацией МАЭ и отдельными предметами удалось определить музейные номера ряда вещей из сборов П.П. Дорошина. После поступления этого собрания в 1891 г. в МАЭ его основную часть зарегистрировали в коллекции № 337, но некоторые вещи оказались зарегистрированными в других коллекциях. Ниже приводится цитата из каталога музея ИРГО с перечнем предметов и указанием их современных музейных номеров:

«512. Шляпа Лисьевских Алеут с острова Унги, надеваемая в байдарке.

513. Фуражки и сумки из Катмая (№ 337-1/1, 2, 3, 4, 5 и № 616-1. — С.К.).

514. Маска колошенская, надеваемая во время плясок в честь памяти предков (№ 2448-19. — С.К.).

515. Шляпы цилиндрические колошенские, головной наряд, изредка ими употребляемый. С острова Ситки (№ 337-3. — С.К.).

516. Шляпы конические колошенские, обыкновенный головной наряд. С острова Ситки.

517. Маска (в работе неоконченная) Колош, надеваемая ими во время торжественных плясок. С острова Ситки (№ 337-2. — С.К.).

518. Калуги из змеевика и железистой глины, вставляемые в нижнюю губу Колошенок как украшение. С острова Ситки (№ 337-6/1, 2. — С.К.).

519. Мокасины колошенские из замши или раведука (№ 337-41/1–2. — С.К.).

520. Изделия Лисьевских Алеуток острова Унги и нитки из жилы кита, которыми шьют алеутки, камлейки из лисьих кишок или кишок медведя, парки из птичьих или звериных шкурок (№ 337-4, 8. — С.К.).

521. Лапки, род лыж, с помощью которых Кенайцы ходят по снегу, по кенайски “матали”.

522. Байдарка однолючная Лисьевских Алеутов с острова Унги (№ 2868-212. — С.К.).

523. Байдарка трехлючная коняг, с острова Кадьяка (№ 337-11. — С.К.).

524. Решетка двухлючной байдарки и байдарка Лисьевских Алеут острова Унги (№ 337-9, 10, 12 и № 4193-50, 51. — С.К.).

525. Байдарка и ружья, вырезанные из моржовых клыков, изделия Катмайцев, живущих на северо-восточном берегу Аляски (№ 337-13/1, 3, 4. — С.К.).

526. Погремушка, заменяющая у Колош кастаньеты, ею аккомпанируют пенью (№ 620-20а. — С.К.).

527. Игра в кости (“циндляхэ”) туземных племен Америки. От Кенайцев с северо-западного берега Америки (№ 337-15/1, 2. — С.К.).

528. Звери из моржового клыка, изделие Лисьевских Алеут Бельковского селения на юго-восточном берегу Аляски (№ 337-17/1, 2, 3. — С.К.).

529. Птички из моржового клыка, работа туземцев острова Кадьяка.

530. Чашка колошенская. С острова Ситки (№ 337-18. — С.К.).

531. Ложка колошенская (№ 337-19. — С.К.).

532. Трубка из аспида, изделие Колош-Кайганцев, населяющих острова Кайганы. Колоши делают их для продажи (№ 337-20 и № 2539-42. — С.К.).

533. Стрелки Лисьевских Алеут с острова Унги. Большой стрелкою бьют нерп (тюленей), малую — морских выдр. Обе стрелки бросают не с лука, а с дощечки, служащей как бы продолжением указательного пальца.

534. Дощечка, с помощью которой Лисьевские Алеуты бросают свои стрелки. С острова Унги (№ 337-21/1, 2, 3, 4, 5 и № 2888-74. — С.К.).

535. Топор каменный с Аляски, подобные же топоры были во всеобщем употреблении у всех туземцев бывших русско-американских колоний до прихода туда Русских.

536. Томагавк или колотушка (по кенайски — ктохальхъ) из оленьего рога, оружие Гольцан, принадлежащих к племени Тэ-найни.

537. Лук кенайцев, живущих у северного берега озера Илямна или Шелехова. По кенайски лук — цыльхтэнь.

538. Стрелка, которою Иляминские Кенайцы бьют из лука птиц.

539. Стрелы с колчаном, последний из шкуры тюленя (нерпы). Оконечности стрел или из зеленой яшмы, или из аспидного сланца. Употребляют при охоте на медведя, оленя и др. Стрела по кенайски “изин” (№ 2667-22. — С.К.).

540. Лук Киатинцев (Киатер-мют), поселившихся на р. Квиичак, которая из озера Илямна течет в Бристольский залив.

541. Стрелки к луку Киатинцев.

542. Стрелка, которою Аглегмюты селения Пачвык (эскимосского племени) бьют птиц (№ 2667-21а, в. — С.К.).

543. Стрелка аглегмютская для макляков (большой вид тюленей).

544. Стрелка аглегмютская для нерп (тюленей) (№ 179е. — С.К.).

545. Стрелка аглегмютская для белуг (больших белых дельфинов). Маут или ремень, прикрепленный к наконечнику стрелки, режется из шкуры макляка. К другому концу маута привязывается надутый пузырь, который, утомляя раненое животное, не дает ему утонуть, когда оно наконец издохнет.

546. Наконечники для стрелы аглегмютской для белуг (№ 2925-107, 108, 109; № 3529-12. — С.К.).

547. Дощечка, с помощью которой Аглегмюты бросают свои стрелы (№ 337-22. — С.К.).

548. Стрелки бобровые Коняг.

549. Дощечки для бросания бобровых стрел, которые иногда пускаются из лука (№ 2868-116. — С.К.).

550. Кинжал колошенский, выкованный самими Колошами, постоянный их спутник. Ножны для него делаются или деревянные, или чаще из замши (№ 337-23. — С.К.)» [Каталог 1879: 24–25].

При сравнении списка поступлений музея ИРГО за 1854–1855 гг. и каталога этого музея за 1879 г. видно, что в каталоге не указаны тлинкитская накидка, алеутская камлейка и парка из птичьих шкурок. В 1867 г. музей ИРГО предоставил свои манеке-

ны вместе с комплектами одежды для участия в московской Всероссийской этнографической выставке. После завершения работы выставки все ее экспонаты остались в Москве, их передали на постоянное хранение в Дашковский музей при Румянцевском музее.

Собрание Г. Чудновского

8 мая 1891 г. МАЭ получил от православного миссионера с Аляски, игумена **Георгия Чудновского** (?–1896) коллекцию по культуре тлинкитов (№ 211). Первоначально она состояла из 39 номеров и 96 предметов. В настоящее время несколько предметов из этого собрания находится на хранении в Государственном музее истории религии.

Г. Чудновский окончил Черниговскую духовную семинарию. В середине XIX в. на Украине было более десяти церковнослужителей с фамилией Чудновский, с кем из них он состоял в родственных отношениях, установить не удалось. Однако отметим, что в 1854–1860 гг. ректором Черниговской духовной семинарии был архимандрит Вассиан — Василий Иванович Чудновский (1805–1883), а в 1867 г. эту семинарию окончил Стефан Чудновский. В течение 17 лет Г. Чудновский служил в одном из монастырей на горе Афон в Греции. В 1884 г. иеромонах Георгий прибыл в Японию для миссионерского служения в составе Русской духовной миссии. В США игумен Г. Чудновский находился более трех лет, с марта 1888 г. по май 1891 г. Миссионерскую деятельность на Аляске он начал в тлинкитском селении Киллисну на Адмиралтейском острове, где служил в период с октября 1889 г. по январь 1890 г., а затем выехал в Сан-Франциско. Еще несколько месяцев среди индейцев Киллисну он провел летом и осенью 1890 г.

Основную часть своей коллекции Г. Чудновский приобрел во время второй поездки в селение Киллисну. В описи к коллекции № 211 хранятся четыре его письма директору Ботанического сада Санкт-Петербурга академику К.И. Максимовичу, три из них связаны с передачей в МАЭ этнографической коллекции. В письме от 10 ноября 1890 г. Г. Чудновский писал: «...Я был командирован в восточную часть Аляски на Адмиралтейский остров для проповеди тамошним полудиким жителям индианам-колошам. Двукратная командировка состоялась весьма удачной: так что в полугодовое мое пребывание на острове, по воле Всевышнего,

построил часовню в честь Св. Апостола Андрея Первозванного и всех жителей около 500 душ обоего пола просветил Св. Крещением и научил первым началам божественной религии.

В числе жителей было окрещено мною четыре первенствующих в стране тоена и четыре шамана, от которых я успел приобрести несколько глубоко чтимых жителями вещей, как святыня и редкость. Всех имеющихся у меня таковых вещей прилагаю при сем список и всепокорнейше Вас прошу, порекомендуйте, куда бы их передать в музей, так как они ценны даже здесь, в Америке. Разумеется, я хотел бы пожертвовать все в известный музей, где, как мне известно, нет таких с Аляски вещей, кроме подобных от сибирских шаманов; но если благоволят уплатить учиненные мною расходы на приобретение редкостей, то, конечно, все пойдет на нужды бедных новых христиан — индиан на Адмиралтейском острове, куда опять предполагаю путешествовать в начале будущего года, только на короткое время, а затем по вызову индиан должен буду переехать на Киприановский остров (о. Купреянова. — С.К.), в Джуно, Чилькат и Таку. Если оценятся магические препараты Аляскинских шаманов-докторов, то я буду рад и постараюсь, по силе возможности, еще больше приобрести, пока американцы, усиленно ищущие, еще не захватили».

В добавление к этому письму Г. Чудновский приложил список предметов по культуре тлинкитов. Он здесь не приводится, так как в следующем письме, от 10 февраля 1891 г., Г. Чудновский привел более подробный вариант этого списка. В частности, в письме от 10 февраля он писал: «Я сознаю себя виновным в том, что при просвещении Колош на научную сторону почти мало было обращено внимания: тогда как материал встречается почти на каждом шагу. Поэтому, извиняясь за список посылаемых вещей, до подробности не разъясненных, постараюсь на будущее время быть внимательнее. Впрочем, и без всяких написаний в Академии знают и цену, и назначение каждой вещи. Теперь, сокращая беседу, позвольте откровенно заявить Вам, высокопочитаемый Карл Иванович, что за все высылаемые вещи, не понимая их ценности, я уплатил Колошам 75 дол., собственно для поддержания их бедности. Впрочем, ввиду того что некоторые американцы, узнав о приобретенных мною вещах, лично мне предлагали более 100 дол. лишь за три номера (2, 21, 22), я начинаю быть уверенным, что некоторые из приобретенных мною вещей имеют свою ценность, и я опять заявляю

свою радость, если и в Академии оценят и воспользуются ими. А если, паки чаяния по тщательном рассмотрении, вещи окажутся непригодными для музея; то означенную сумму — 75 дол. — пусть не беспокоятся высылать: я отнюдь не буду в претензии. Поездка моя в северо-восточную часть Аляски — на Киприяновский (о. Купреянова. — С.К.), Кую и Чичагова острова — и затем на материк в Джуно, Таку и Чилькат, вероятно, будет состояться в будущем апреле (месяце), если буду жив да здоров».

К письму был приложен список коллекции, которую Г. Чудновский отправил в Санкт-Петербург. В МАЭ коллекцию Г. Чудновского зарегистрировали в 1891 г. под № 211. Порядковые номера списка соответствуют номерам отдельных предметов этой коллекции.

«Список шаманских вещей, приобретенных
на Адмиралтейском острове, в Аляске
игуменом Георгием Чудновским

1. Цак. Каменное резное кольцо, носимое шаманами на персях как особенная святыня, во время нарочитых оргий. Шаманы уверяли меня, что без этого знака и “Шейшюха” они бессильны в своих магических действиях.

2. Шейшюх. Эта чудовищная резная фигура на дереве, во время пляски и какого-то иступления шамана будто говорит шаману — кто именно виновник болезни больного. Тогда родственники больного, при участии самого шамана, делают расправу с преступником, как видно на посылаемых фотографических снимках (два фотогр. снимка а и в). (Шаманская погремущка в виде птицы. — С.К.).

3. Хлюку (наголовник с миниатюрной мужской маской. — С.К.).

4. Кляхкыт-кучь (маска в виде волчьей головы. — С.К.).

5. Кляхкыт-ка (мужская маска. — С.К.).

6. Кляхкыт-шават (женская маска. — С.К.).

7. Кляхкыт-куштака (маска духа-выдры. — С.К.).

8. Хлюку-каккаты (миниатюрная мужская маска. — С.К.).

9. Кляхкыт (мужская маска. — С.К.). (Номера 3–9 по списку. — С.К.) — Маски, употребляемые шаманами смотря по роду болезни.

10. Тахкицты. Три ручные брызготки (погремущки с клювами топорка. — С.К.).

11. Атхааку. Два восьмирожника для головы (шаманские головные уборы. — С.К.).

12. Ихт-шахау. Волоса мнимого чудодейца, давнего шамана (шаманский головной убор с пучками человеческих волос. — С.К.).

13. Хлюку (шаманский головной убор с человеческими волосами. — С.К.).

14. Екчины. Перяной головной убор.

15. Шата-Кучхлите. Шаманские шляпы, с волчьим хвостом.

16. Кет. Два передника с брызготками (подвесками из клювов топорка. — С.К.).

17. Тек. Кожаный нагрудник.

18. Ихт-кау. Шаманский барабан и к нему семь деревянных палочек. Шаман в виду больного бьет в барабан и поет, а родственники больного, усевшись кругом огня, нарочито приготовленными палочками ударяют в пол и припевают.

19. Сакс-кутл. Лук с двумя стрелами, которыми шаман будто заочно наносит раны своему личному врагу. (Лук не был получен.)

20. Хлюкохля. Деревянная сабля (двухсторонний деревянный кинжал. — С.К.).

21. Ныят. Из толстой кожи тоенская одноруковая одежда, которую употребляли еще не так давно в междуособной войне с островитянами.

22. Хлита. Тоенский нож, которым убивали калгов-рабов во время своих празднеств, при постройке домов и по смерти тоена.

23. Глеусик. Два тоенских деревянных блюда, из которых употребляли рыбий жир, сушеную рыбу и проч.

24. Мраморная резная фигура древнего божества (амулет из кости. — С.К.).

25. Чак-ша. Орлиная голова (амулет в виде головы орла. — С.К.).

26. Цасаху. Шапка из детеныша-зародыша нерпы.

27. Тукотахль. Оленьи охотничьи панталоны.

28. Куэхль. Мешочек из кожи животного рысей породы.

29. Ецтахль. Восемь ложек из оленьего рога.

30. Канух. Два костяных зуба, которые старые индианки носят под нижней губой.

31. Хлякаск. Морская капуста, которую Индиане-колоши употребляют как насущный хлеб, а иногда и варят.

32. Мраморное древнее божество (амулет из зуба медведя. — С.К.).

33. Костяные вещи, 22 штуки, относятся к № 17 (нагрудник) (шаманское ожерелье. — С.К.).

34. Челюсть неизвестного животного, употребляется шаманами (челюсть лося. — С.К.).

35. Рукоделия индиан (10 штук) (плетеные корзинка с крышкой, табакерка, бокал, футляр для бутылочки, подставки в форме тарелок. — С.К.).

36. Алеутская байдарочка из Кадьяка (модель каяка. — С.К.).

37. Деревянная фигура (амулет в виде антропоморфной фигуры. — С.К.).

38. Пять штук раковин для подвесок.

39. Деревянный сосуд для жира».

К большинству предметов Г. Чудновский привел тлинкитские названия. Эти данные позволяют проверить достоверность его сведений относительно конкретных предметов. Так, в ряде публикаций по тлинкитскому собранию МАЭ миниатюрная маска № 211-8 рассматривалась как самостоятельная часть шаманского снаряжения, но ее тлинкитское название указывает на принадлежность этой маски к шаманскому наголовнику, составной частью которого она когда-то являлась. Ценность коллекции возрастает вследствие того, что это одна из последних коллекций МАЭ, собранная на Аляске, а также потому, что в ее сборе принимали участие тлинкиты, которые предоставили Г. Чудновскому старинные вещи.

Кроме этнографической коллекции, Г. Чудновский передал в музей четыре фотографии, две из них были переданы вместе с коллекцией — № 211-2а и 211-2б. Последнее фото многократно воспроизводилось в различных изданиях [Arte 1996: 23; Jonaitis 2000: 96]. Здесь изображена сцена лечения шаманом больного. Для этой сцены позировали белый американец — «больной» — и тлинкит [Emmons 1991: 401]. Другая фотография изображает сцену попытки колдуна шаманом. Здесь в роли колдуна представлен индеец, а в роли шамана — вероятно, белый американец [Сокровища 2001: 42]. Эти фотографии были сделаны в Ситке в 1889 г. фотографом Эдвардом де Грофом и предназначались для продажи туристам. Две другие фотографии были сделаны в 1890 г. по заказу Г. Чудновского. На фото № 1662-2 изображен Г. Чудновский с группой старейшин селения Киллисну на фоне часовни Св. Андрея Первозванного. На фото № 1661-1 сфотографирован главный вождь селения Киллисну Николай (Кичнал) с супругой Марией.

Об этом индейце миссионер архимандрит Анатолий (Алексей Каменский, 1863–1925) писал: «Известен один индианский тайон, проживающий в Киллисну, — человек он именитый, не без состояния и не без рассудка. Про него рассказывают следующее. Всякий раз, когда приходят в местечко, где он живет, пароходы с туристами, он перед любопытными янки является в нескольких и самых разнообразных костюмах. То предстанет во всей генеральской форме с несметным количеством звезд на груди, подаренных ему в разное время американцами, то полисменом, а то запросто в рясе и клобуке русского монаха» [Архимандрит Анатолий 1906: 28–29].

Последнее по времени отправления письмо Г. Чудновского К.И. Максимовичу датируется 8 мая 1891 г. Ни это, ни предыдущее письмо от 10 февраля К.И. Максимович не получал, так как скончался 4 февраля 1891 г.

«Высокоблагороднейший и глубокоуважаемый Карл Иванович!

Долго пришлось мне болеть, так что теперь вынужден оставить Америку через несколько дней. Всепокорнейшее прошу адресоваться по Вашим делам в Россию. Консульство, которому я поручил документ о застраховке высланных Вам шаманских вещей еще в феврале месяце сего — 91 года, но о которых и до сих пор не имею известий, — получены ли Вами? Когда приеду на место — в Иерусалим или на Св. Афонскую гору, я с любовью извещу Вас.

Поручая Вас полному счастью, остаюсь истинно любящий Вас, миссионер, игумен Георгий».

Из Сан-Франциско Г. Чудновский совершил плавание на корабле через Тихий и Индийский океаны и далее через Суэцкий канал в Средиземное море. В его некрологе сказано, что Г. Чудновский «несколько лет прожил в Иерусалиме при тамошней миссии» [М.З. 1897: 214]. 15 декабря 1896 г. после тяжелой продолжительной болезни Г. Чудновский скончался и был погребен в Зографском (Болгарском) монастыре на горе Афон в Греции.

Собрание цесаревича Николая Александровича

Еще одним оригинальным собранием МАЭ по народам Русской Америки является коллекция по алеутам Командорских островов, полученная от цесаревича **Николая Александровича**

Романова (1868–1918). Эту коллекцию Николаю Александровичу подарили в 1891 г., когда он совершал путешествие по странам Востока. Предполагалось, что во время путешествия цесаревич посетит Командорские острова. Этого не произошло, но коллекцию, приготовленную алеутами, впоследствии передали наследнику престола. В музей она поступила в 1896 г. До этого, в 1892–1893 гг., коллекция находилась на выставке подарков, преподнесенных Николаю Александровичу во время путешествия по странам Востока. В каталоге этой выставки указаны следующие алеутские предметы:

«647. Байдара с одиннадцатью пассажирами (№ 313-47. — С.К.).

648. Две байдарки однолучные (№ 313-48/1, 2. — С.К.).

649. Байдарка с двумя пассажирами (№ 313-49. — С.К.).

650. Байдарка трехлучная (№ 313-50. — С.К.).

651. Лыжи и посох (№ 313-51а, б, с. — С.К.).

652. Образцы всевозможных снарядов, которыми дикие северные инородцы ловят песцов, с незапамятных времен пользуясь именно такими промысловыми орудиями (№ 313-52, 55, 56, 57. — С.К.).

658. Инородческая землянка (№ 313-58. — С.К.).

659. Сеть для ловли птиц (№ 313-59. — С.К.).

660. Боевая стрела (№ 313-60. — С.К.).

661. Два снаряда (для ловли птиц) (№ 313-61, 62. — С.К.).

663. Сумка (№ 313-63. — С.К.).

664. Плясовой костюм (прежних времен).

665. Парка птичья (№ 313-64. — С.К.).

666. Инородческая одежда и рукавицы (№ 313-66а, б, с, d. — С.К.).

668. Алеутская шапка, для танцев (№ 313-68, 69, 70. — С.К.)» [Каталог 1998: 72–73].

Коллекция представляет большой научный интерес как единственное комплексное собрание МАЭ по обособленной группе алеутов Командорских островов. Первую группу алеутов завезли на Командоры в 1825 г., до продажи Русской Америки в 1867 г. было еще несколько переселений аборигенов с Алеутских на Командорские острова. В 1872 г. 30 человек переселили с острова Атту. В 1877 г. жители из трех поселений на Курильских островах в количестве 83 человек переехали в Петропавловск-Камчатский.

В следующем 1878 г. были переселены с Курил последние 15 человек. В числе этих переселенцев было несколько десятков алеутов с Андреяновских островов, среди них — семьи Михаила Пышенкова, Кирилла Галкина, Прокопия Попова, Климента Лошева, Мифодия Шипицина, Степана Пышенкова [Шубин 1992: 40]. В 1888 г. алеутов с Камчатки переселили на остров Беринга. На Командорских островах алеуты жили двумя обособленными группами: алеуты, происходившие с Атки и других Андреяновских островов, — на о. Беринга, алеуты с Атту — на о. Медном.

Ко времени формирования коллекции в 1890 г. алеуты Командорских островов подверглись сильному влиянию как русской, так и американской культур (в 1871 г. на двадцать лет острова были сданы в аренду Американской торговой компании). Несмотря на это, они сохраняли навыки изготовления многих предметов традиционной культуры, о чем свидетельствует настоящая коллекция. Всего в ней зарегистрировано 24 номера, которые объединяют несколько десятков предметов. Это модели байдарок с фигурками охотников — однолючные (№ 313-48/1, 2), двухлючная (№ 313-49) и трехлючная (№ 313-50). Также имеется модель байдары — большой открытой лодки с одиннадцатью фигурами охотников (№ 313-47). Такие лодки использовались при промысле китов и переездах женщин с детьми.

Оригинальным изделием является модель алеутского полу-подземного жилища, в конструкции которого видны следы русского влияния. Входное отверстие в крыше традиционного алеутского жилища заменено дверью с его боковой стороны (№ 313-58). Европейское влияние проявляется в конструкции ловушек для промысла песцов (№ 313-52, 55, 56, 57) и в детском костюме, который хотя и сделан из пищевода сивуча, но не в виде камлейки, а в виде рубахи со штанами, сапог и рукавиц (№ 313-66а, б, с, d). Сибирское влияние легко увидеть в лыжах с посохом (№ 313-51а, б, с) и кожаной сумке (№ 313-63).

К изделиям традиционной культуры алеутов относятся плетеная корзина (№ 313-53), сеть для ловли птиц (№ 313-59), гарпун для промысла морских животных (№ 313-60), модель метательной дощечки (№ 313-61), модель сачка для ловли птиц (№ 313-62), парка из птичьих шкурок (№ 313-64), два мужских танцевальных головных убора (№ 313-68, 70) и женская накидка-платок (№ 313-69). Этот перечень показывает, что в конце XIX в. алеуты сохра-

няли основной комплекс предметов традиционной культуры. И.Е. Вениаминов писал об одежде алеутов: «Главную и необходимую одежду алеутов составляет парка — род длинной рубашки, опускающейся ниже колен, со стоячим воротником и неширокими рукавами. Парки делаются ныне из птичьих шкур. <...> Парка для алеутов есть незаменимая вещь в здешнем климате. Она в дороге составляет для них и постель, и одеяло, и, можно сказать, дом; с нею они не боятся ни ветру, ни морозу» [Вениаминов 1840, II: 212].

Также И.Е. Вениаминов привел описание церемониальных мужских головных уборов алеутов типа № 313-68 и 313-70: «В прежние времена была еще в употреблении круглая шапочка, сделанная из нерпичьей кожи, вышитая оленьей шерстью, с длинною косою из ремешков назад и с вышитым языком впереди. Шапки эти употреблялись только при плясках; ныне никто их не имеет» [Там же: 219]. Эта цитата относится к описанию предметов культуры алеутов о. Уналашка 1820-х годов, однако на Командорских островах церемониальные головные уборы сохранялись до конца XIX в. Об использовании накидки-платка типа № 313-69 упоминает Г.А. Сарычев при описании ритуальных танцев алеутов Андреевских островов, которые он наблюдал в 1790 г.: «Когда алеуты запели песню, тогда плясун взял в каждую руку по пузырью и, держа оные за один конец так, чтоб они лежали вдоль руки другим концом к локтю, начал с оными скакать, делая разные движения руками и кривляя головою в лад бубнов. Потом, брося пузыри, взял надутую тюленью кожу и, поднимая ее многократно кверху, показывал всем. После сего, положи кожу, плясал таким же образом с платком, держа концы его в обеих руках. Напоследок, взяв палку, делал ею так, как гребут веслом на байдарке» [Сарычев 1952: 202].

Модели двух циновок, счеты и метательные костяшки являются принадлежностями традиционной алеутской игры (№ 313-67a, b, c, d), в которую играли сразу четыре человека, по две пары друг против друга. Игра состояла в том, что на земле чертили два квадрата и проводили через них несколько линий, на которые играющие должны попасть небольшими круглыми костяшками. Иногда для игры использовали небольшие циновки с нарисованными на них линиями. Соперники старались сбить чужие костяшки с линии и поставить на их место свои. Выигрывала та пара,

у которой больше костяшек оказалось на линиях, за что они получали несколько костяных палочек или бусин. После того как одна из пар выигрывала трижды, игра заканчивалась.

Кроме алеутских вещей, в состав коллекции входит женская рабочая корзина (№ 313-24с, d). По форме и технике плетения она является изделием тлинкитов. На Командорских островах в XIX в., кроме алеутов, находилось несколько тлинкиток. Во времена существования Российско-Американской компании бывали случаи, когда тлинкиты приходили в Ново-Архангельск для защиты от соплеменников. Это были либо рабы, предназначенные для жертвоприношений, либо молодые индейки, обвиненные в колдовстве, которым также грозила смерть. Их принимали на службу и отправляли в отдаленные селения. В середине XIX в. выкупленных из рабства у тлинкитов индейнок Каттахель и Ирину Хаске отправили на Курильские острова [Гринев 1991: 281–282]. Как отмечалось, всех жителей из селений Российско-Американской компании на Курильских островах переселили сначала на Камчатку, а затем на Командоры.

Кто был собирателем коллекции № 313, сведений не сохранилось, но отобрать алеутские вещи в качестве подарка для Николая Александровича могли только два чиновника, служившие в 1890 г. на Командорских островах, — это управляющий промыслами Николай Александрович Гребницкий (1848–1908) и его заместитель Николай Матвеевич Тильман. Оба занимались коллекционированием. Н.А. Гребницкий в 1882 г. передал алеутскую коллекцию в музей Иркутска, а в 1886 г. — в музей Владивостока. В 1895 и 1899 гг. он подарил антропологические коллекции МАЭ. Зоологические коллекции Н.А. Гребницкий неоднократно дарил Зоологическому музею в Санкт-Петербурге. Н.М. Тильман передавал этнографические коллекции по алеутам в музей Владивостока в 1886, 1891, 1898 и 1899 гг.

* * *

Подводя итоги деятельности академика Л.И. Шренка на посту директора МАЭ и его помощника — ученого хранителя Ф.К. Руссова в период с 1879 по 1894 г., Л.Я. Штернберг писал: «Но если Шренку и Руссову удалось сохранить в неприкосновенности старые, вековые коллекции и сделать их, наконец, вполне доступными для публики, то они в то же время были совершенно бес-

сильны сделать что-нибудь значительное для дальнейшего роста Музея» [Музей 1917: 245].

В этой и предыдущих главах приведены сведения о собирателях и их коллекциях, которые поступили в музей в XVIII–XIX вв. В тот же период в музей поступило несколько десятков предметов по культуре народов Америки, о происхождении которых сведений найти не удалось. Этническая принадлежность этих вещей была определена по характерным внешним признакам при их регистрации в начале XX в. Они были зарегистрированы как «старинные поступления музея» либо как «предметы неизвестного происхождения» и включены в состав сборных коллекций.